

Зоя Колесникова

Зоя Колесникова (Зоя Константиновна Покорная) – родилась в селе Елизаветино Воронежской области. Окончила исторический факультет Воронежского педагогического университета. Поэт. Член Союза писателей России с 2001 года. Автор девяти стихотворных сборников. Стихи публиковались в журналах: «Подъём», «Наш современник», «Берега», «Новая Немига литературная», «Молодая гвардия». В альманахах: «Академия поэзии», «День поэзии – XXI век» и других литературно-художественных изданиях. Лауреат премий: «Кольцовский край» (Воронеж), Святой Татианы (Санкт-Петербург), премии Николая Гумилева (Коктебель) за книгу «Выбирала цветы по цвету...». С 2010 года – руководитель Литературной студии «Современник» при Воронежской писательской организации. Живёт в Воронеже.

ЭТОТ ДОМИК НА ТИХОЙ ВОДЕ...

* * *

Этот домик на тихой воде.
Мы к нему глубиною причалим.
Весь в зелёные ветви одет,
так радушен – до слёз, до печали.
Постоим у вечерней воды...
Это – август! Созрели плоды...
Как угодно сей миг назови –
мы полжизни его дожидались.
Постоим, помолчим о любви,
о которой и в снах не сознались.

* * *

Уже ущербная луна,
как чаша, полная вина,
на небо тёмное легла,
не понимая, что она
и чёрная полночи мгла
ведут неравный разговор
добра и зла.

* * *

Домики. Дубы. Берёзы. Осы.
Небо. Солнце. Ива и камыш.
Предвечерье. Но ещё не осень.
Цапля полетела выше крыш.

Выше дома выросла рябина.
Улетает праздничное лето.
Этот домик цапля полюбила,
Искренне, как дети и поэты.

* * *

Когда-нибудь в тебе воскреснет лето,
Как свет всеослепляющий во мгле,
И женщина, воспетая поэтом,
Пройдёт по засыпающей Земле.
Но и тогда уже за гранью света,
Как струны, память тихо теребя,
Та женщина, любимая поэтом,
Однажды станет вечной для тебя.

* * *

Эти грустные листья тополя...
Во Вселенной совсем одна,
приютилась душою около
эта женщина у окна...

Как теряются дни и месяцы!..
Листья падают с тополей,
приближаясь к Небесной лестнице,
к той, которая всё видней...

Погрустневшие листья тополя...
Дни сентябрьские напролёт
там, где ставни при ветре хлопают,
соловей для неё поёт...

* * *

Смотреть цветы и бабочек на них,
полёт шмеля над разноцветным полем...
Не ждать забот печальных тех, иных,
навязанных судьбе нерусской волей.

Не видеть дом, разрушенный войной,
и дикий страх в глазах детей своих,
и дождь цветной сквозь уходящий зной,
и шёпот сквозь незавершённый крик.

На улице моей, где тополя,
дома танцуют в мареве звучащем...
Ветра, ветра... И мается Земля...
Ей нелегко – немой и говорящей...

Но будет шмель гудеть по-над рекой,
и бабочки взлетать над разнотравьем...
И мама у плетня махнёт рукой,
отправит в путь благословенной ранью.

* * *

Приютился домик на окраине
меж рекой и брошенным погостом.
Русская душа так любит тайное
бурное течение, где звёзды
постигают видимую истину
единенья. Или – одиночества?
Русская душа здесь очень искренна
если не в Отечестве, то – в отчестве.

* * *

Уже нетрудно думать о поре,
зовущей нас к Божественному Свету –
взойти к Нему на утренней заре,
иль на вечерней... в полудрёме ветра.
Легко быть добрым. Белый свет жалеть...
Идти к Голгофе тысячу ступеней...
И до заката, может быть, успеть
услышать о причастности к Успенью...
Как тихо на кордоне у реки!
Но птиц многоголосое звучанье –
как жест всё той таинственной руки,
махнувшей нам отсюда на прощанье.

* * *

Всё тот же дом, всё тот же сад,
всё так же дикий виноград
оплёл над крышей грушу.
Здесь зимний гром
и летний град
устроили стихий парад
и подменили душу.
И что теперь, и как теперь,
куда найти иную дверь,
какое небо слушать?
Хотя, быть может, не спеша
другая выберет душа

с небесным зреньем сушу.
И чтобы можно было знать
о том, что мы придём опять
и – вольные – заплачем
о том, что гром, и град, и сад,
и тот же дикий виноград –
любимы.
Но – иначе.

* * *

И вода успокоилась к осени.
В ней лучи, как пчелиные соты,
полонив её, сети набросили
на мои молчаливые ноты.

Прикорнули две лодки. Отрадно им
так лежать и глядеть в небеса.
В поле где-то работают тракторы,
а за полем темнеют леса.

Здесь особое небо. Поверь ему.
О тебе, обо мне, обо всех,
всё вместить ему надо безмерному
и простить неосознанный грех.

Эту синь так впитали глаза мои,
что, смятенная прежде, душа
по небесным законам-экзаменам
стала жить, и любить, и дышать.

* * *

А жизнь почти что прожита...
На горизонте лишь остались
любовь, раскаянье и жалость:
«Ах, если б с чистого листа!...»

Ошибки все бы зачеркнуть,
убрать нежданные помехи...
И вновь наметить добрый путь,
где ждут удачи и успехи.

Всё было – ливни и дожди,
отъезды, встречи и разлуки...
Всё было – радости и муки
и восклицанье: «Только жди!...»

Теперь и внука дождалась,
Любви и кроткой, и щадящей...
Но отложилось в долгий ящик,
что предназначено сейчас...

* * *

Уходит лето в край полынный,
и ветер треплет ставни грубо.
И тень сужается до линий
там, где особый запах утра.
Рябит река. И тёплый ветер
раскачивает деревья...

.....
...Нет замечательней на свете
тех дней, где всякие слова
не могут выразить значенье
всего, чем мы живём и верим,
что этих чистых вод свеченье —
как в рай распахнутые двери.

* * *

А ветры осенние снова устали,
открыли небесные нежные хляби...
А воды зеркальные с лёгкою рябью
глядят, как сбиваются вороны в стаи.
Река обращает нас к теме участия
Великого Неба и малой Земли,
Она понимает безмерное счастье,
которое мы сохранить не смогли.
Там будут сиять купола не над нами,
и клекот, и щебет себя воплотит
в незнание наше, начавшись с печали
о том, что планета летит и летит...

* * *

Мысли о смерти, мальчик,
как суету, гони...
Где твоей жизни ларчик,
там и её огни...
А в небосводе завтра
грянут колокола...
Чем бы ты ни был занят,
ангельские крыла
будут тебя лелеять,
будут тебя беречь...
Будет ещё светлее
в храме от слов и свеч!..
Будут летать букашки,
будет янтарный свет...
Будет совсем не страшно
думать, что смерти нет.

* * *

Единственное яблоко в саду
в начале ноября и наряду
с побегими зелёными на пнях
и силами, увядшими в корнях,

небесному сиянью вопреки
и стойкости берёзок у реки...
И это длилось долго. А затем,
при всей его огромности, летел
с тобой и мной один небесный шар,
и яблоку в саду он не мешал,
искал в нём воплощения опять...

.....
Но мы о том могли уже не знать.

БЕЗ ТЕБЯ

Что вы, деревья, мне скажете?
Что мне нашепчет трава?
В этой пожизненной пажити
тонут и тают слова.
Сохлые тонкие ветви ли,
выводок уток в пруду
самозабвенно поверили
в праздничную ерунду.
Жёлтое, колкое слишком,
так одичавшее впрок,
смотрит глазами мальчишки,
не выучившего урок.

* * *

Ничто не предвещало холода.
Земля была приветливо прогрета.
Мелькали дни. Смыкались города,
как тьма и свет, совсем сойдя со света.
Там было тяготение меня к тому,
что называется «до смерти», —
тень мотылька на линии огня,
там, где всегда и до «всегда» —
о лете. И вот теперь мне видится броня
твоей души у каменной избушки,
где не узнать, любимую, меня
в той, у окна, почти слепой старушке...
...Ничто не предвещало холода.

* * *

Силы Небесные! Где Вы?..
Здесь, на Земле, неуют...
Ангелы — справа и слева —
грустную песню поют...
Вот уже утро. Светает...
Там, далеко, на краю...
Кто-то незримый играет
горькую песню свою...

.....
Двери откроем и выйдем
там, далеко, на краю...
Краешек Солнца увидим,
света его колею...